

ОБЪЯСНЕНИЕ: «ГРУЗИНСКИЙ КОНТЕКСТ» Б. ПАСТЕРНАКА

Г. А. ДЖОХАДЗЕ¹⁾

¹⁾Государственный университет Ильи, пр. Чолокашвили 3/5, 0162, г. Тбилиси, Грузия

Подчеркивается особое значение личности и творчества Б. Пастернака для грузинских переводчиков, что обусловлено многочисленными переводами поэта произведений грузинских лириков, личными контактами с Грузией и, в частности, с грузинскими поэтами и их семьями. В теоретическом плане высказывается предположение о невозможности поэтического перевода как такового. Каждое новое чтение есть новое прочтение, которое создает свежие впечатления; оно наполняет мир вновь родившимися мыслями и толкает язык к неведомым горизонтам. Примерно такого же мнения о переводе придерживался сам Б. Пастернак. Анализируется богатый материал, который состоит из стихов, писем и воспоминаний персонажей пастернаковского мира, с помощью которого интерпретируются мотивы, межличностные отношения и гражданские ценности в жизни и творчестве Б. Пастернака.

Ключевые слова: Б. Пастернак; Грузия; перевод.

EXPLANATION OF THE «GEORGIAN CONTEXT» OF B. PASTERNAK

G. A. JOKHADZE^a

^aIliia State University, 3/5 Cholokashvili Avenue, Tbilisi 0162, Georgia

The article emphasizes the special importance of the personality and creativity of B. Pasternak for Georgian translators, which is due to the poet's long-term occupation with translations of Georgian lyrics and personal contacts with Georgia in general and, in particular, with Georgian poets and their families. In theoretical terms, the author suggests the impossibility of poetic translation. Every new reading is a new reading that gives rise to new impressions. It fills the world with fresh thoughts and pushes the language to new horizons. The same opinion about the translation was held by B. Pasternak himself. The author analyzes the rich material, which consists of poems, letters and memoirs of the characters of B. Pasternak's world, with the help of which he interprets the motives, interpersonal relations and civic values in the life and work of B. Pasternak.

Keywords: B. Pasternak; Georgia; translation.

Введение

При всей рассеянности и нерешительности, которые свойственны людям моей профессии, работающим на стыке литературы и истории, могу с уверенностью заявить, что полемика о способах и методах художественного текста никогда не прекратится.

Образец цитирования:

Джохадзе Г.А. Объяснение: «грузинский контекст» Б. Пастернака. *Человек в социокультурном измерении*. 2020;1:–.

For citation:

Jokhadze GA. Explanation of the «Georgian context» of B. Pasternak. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2020;1:–. Russian.

Автор:

Григорий Анзорович Джохадзе – доктор исторических наук, профессор факультета искусств и наук.

Author:

Grigol A. Jokhadze, doctor of sciences (history), full professor at the faculty of arts and sciences.
jokhadzegrigol@yahoo.com

Одни исследователи, подобно В. С. Виноградову, считали, считают и будут считать, что парадокс, обусловленный индивидуальностью стиливых черт переводчиков, заключается в том, что они нежелательны, но неизбежны [1, с. 172].

Другие соглашались с А. В. Федоровым, который отрицал этот парадокс в силу того, что объективность перевода и сильная индивидуальность переводчика не только совместимы, но и предполагают друг друга [2, с. 338]. В коммуникативной установке переводчика, наряду с его индивидуальными чертами, проявляются культурная традиция и переводческая норма в их синхронной и исторической вариативности. Требования адекватной передачи смысла и стиля оригинала и полноценности языка перевода составляют основу многих нормативных концепций перевода в более ранние эпохи и вплоть до последнего времени.

Как отмечает К. А. Гудий [3, с. 99–103], еще во времена Ренессанса переводчики формулировали свои соображения по поводу критериев перевода. Своеобразный категорический императив, принадлежащий перу французского гуманиста Э. Доле, гласит, что переводчик должен соблюдать пять основных принципов: в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора; в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; избегать тенденции переводить дословно, ибо это исказит содержание оригинала и погубит красоту его формы; использовать в переводе общеупотребительные формы речи; правильно выбирая и располагая слова, создавать общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности».

В Англии XVII в. поэт и драматург Дж. Драйден ставил перед переводчиком уже не пять, а десять требований: быть поэтом; владеть языком оригинала и языком перевода; понимать индивидуальные особенности стиля автора оригинала; сопоставлять свой талант с талантом автора оригинала; не менять смысл оригинала; сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу; сохранять качество стиха в переводе; заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин; не стараться передавать оригинал дословно, чтобы не утратить его дух; не улучшать оригинал.

Британский историк и писатель XVIII в. А. Ф. Тайтлер предлагал своего рода «священную триаду»: перевод должен полностью передавать идеи оригинала; стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение.

Результаты и их обсуждение

Сними ладонь с моей груди, мы провода под током... А ведь любому переводчику известно чувство влюбленности в переводимого автора, иллюзия того, что именно он знает, как ответил бы автор на тот или иной вопрос, какими лексическими единицами бы оперировал, каким синтаксисом бы пользовался, каким мировоззренческим мотивам отдавал бы предпочтение, как повел бы себя в той или иной ситуации и т. д.

Но если с другими авторами (например, с И. Бродским, который один раз, всего на день, в ноябре 1966 г. посетил Тбилиси, или с Т. С. Элиотом, который и вовсе не связан и не мог быть связан с Грузией) эта влюбленность возникала постепенно, то в случае с Б. Пастернаком читатель ловит себя на том, что поэт опередил его не только хронологически, а каким-то мистическим образом уже успел читателя полюбить.

Каждый переводчик поэзии априори в долгу перед поэтом – каким бы гениальным он ни был или не считал бы себя таковым – он должен признаться (а может, каждый перевод на самом деле является таким своеобразным признанием?), что не сможет перевести без утрат поэтический текст. И не сможет перевести вообще, потому что перевод поэзии невозможен, и не только потому, что один язык не готов принимать другой. Перевод – это попытка аннексии другого языка, где действуют законы войны – победить любой ценой, потому что победителей не судят, и это утверждение до сих пор актуально.

Переводчик читает переводимое произведение и одновременно заново пишет его. При каждом новом чтении растет число не только читателей, разнородным становится даже содержание. Каждое новое чтение – это новое прочтение, которое создает свежие впечатления, оно вновь родившимися мыслями наполняет мир и толкает язык к неведомым горизонтам (или, наоборот, новым прочтением инициированный язык стремится туда, куда попасть ему и не пришлось бы?)

Перевод поэзии невозможен не только потому, что нельзя повторить то состояние поэта, тот делирий, при котором и зачастую с помощью которого создается произведение. Невозможно воссоздать, да и представить себе, из чего создается самый филигранный стих. Не зря усмехалась Анна Ахматова над теми, кто думал, что поэзия изначально прекрасна: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» [4, с. 177]. Неповторим именно этот сор, который и является чистейшим родником поэзии.

Примерно такое восприятие перевода наблюдается и у Б. Пастернака в письме от 30 июля 1932 г. к грузинскому поэту Т. Табидзе (1895–1937): «Всякие переводы заключают некоторое насилие над подлинником, и плохие, и хорошие, мои же скорее – первого рода. Вероятно, я опешлю Вас, потому что у всякого художника в ходе его работы складывается своя собственная идея устойчивости слова и моя очень груба...» [5, с. 176].

Вот почему я считаю, что каждый переводчик в долгу перед поэтом. А в случае Б. Пастернака этот долг отягощается человеческими и личностными факторами. Его любовь к грузинской земле, людям и поэзии заслуживает большего, чем все умение грузинского переводчика. Неспособный вернуть все, что было дано, переводчик должен стараться отдать долг, по крайней мере, той же монетой.

Когда строку диктует чувство... Но кто или что поможет переводчику, когда тот останется с двумя листами бумаги, один из которых исписан, а другой чист, и на исписанном – шедевр? Как понять автора? Как передать на чужом для оригинала, но родном для тебя языке то, что в подлиннике звучит так легко и непринужденно?

Парадоксально, что в разрешении таких метафизических проблем может выручить простой рекламный слоган, который гласит: «Только любовь поможет решить ваши проблемы». В данном контексте стоит вспомнить эпизод из книги Н. Табидзе «Радуга на рассвете» о первом приезде Б. Пастернака в Грузию. Она рассказывала, как они сидели в доме П. Иашвили, где пировали и читали стихи. Пастернак так глубоко чувствовал язык поэзии, что, не зная грузинского, чутко воспринимал смысл стихов П. Иашвили и Т. Табидзе, даже не понимая слов [6, с. 320–336].

Вспоминаются слова из стихотворения Б. Пастернака об этом непонимании, которое есть точное восприятие:

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник [7, с. 14].

Вероятно, автора статьи не обманывала интуиция, подсказывающая, что без любви к переводимому автору, без «знания источника» стих не покоряется. А это самое глубокое знание, которое, даже невысказанное, все равно действует на атмосферу и, как сказал бы Т. Табидзе, каким-то образом передается адресату, и напряжение этого тока – прямого провода чувства – почти физически ощущается [8, с. 244–245].

Быть поэтом – означает жить в дружбе Божией. Хотя ему и обеспечено вечное спасение, но чувствует он себя несовершенно очищенным для получения своеобразной святости, необходимой, чтобы вступить в небесную радость. Это благо невозможно заполучить без сокровенной встречи. Потому Т. Табидзе и пишет, что встречи с Б. Пастернаком для него чистилище, ведь только тогда он может возвращаться к поэзии.

По словам Б. Пастернака, ему совершенно не совестно было писать с полным эгоизмом, на который он имел право, что Т. Табидзе для него – лучший образ собственной жизни. И если для Т. Табидзе Б. Пастернак – некий живой символ религиозной догматики, то для Б. Пастернака Т. Табидзе – бог в греческом и мифологическом смысле [10, с. 86–89].

Б. Пастернак говорил:

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба [11, с. 80].

При таких взаимоотношениях, которые на самом деле называются скрещением судеб, поэт естественным образом забывает о профессиональных переводческих стандартах и начинает говорить не думая об искусстве.

Тогда натурально и такого рода прощание: «Вы знаете, как я люблю Вас, – сильнее Вас только Зину!» [5, с. 251]. И еще, обращаясь на сей раз к жене Т. Табидзе, Б. Пастернак пишет: «Он для меня почти то же, что для Вас» [10, с. 89]. Можно привести и такие строки: «Тициана мне надо до зарезу, как-то физически, у меня за ним тянутся руки...» [13, с. 189].

Как не вспомнить слова Н. Бараташвили, чьи стихи прекрасно перевел Б. Пастернак о том, что: нам слышится душевный трепет того, кто ведал, что обречен!

«Геопоэтика» Б. Пастернака. А. Балдин вспоминает, как П. Валери в своем труде «Тетради» писал о зависти к Ш. де Монтескье и его современникам: в начале XVIII в. Европу еще окружал океан нетропутого, открытого для сочинения *Иного*. Это спланивало просвещенных европейских первопроходцев,

миссионеров, мастеров бумажной регуляции. Белые пятна на картах были для них словно окна в мир будущего [9].

Нужно было перебороть эту зависть и Б. Пастернаку, но не удалось. Он, как человек впечатлительный, начал записывать грузинские географические названия, но, как поэт, приступил к их «трансмутации». Конечно, в «списке» Б. Пастернака есть Кавказ, Тифлис, Арагви, Кура, Навтлуг, гора Давида, Сололаки и тому подобные, но горы, до него воспетые другими поэтами, у Б. Пастернака до такой степени скрытые, сокровенные и тайные, что воспринимаются как апокрифы («А из чердачных створ виднелся гор апокриф...» [11, с. 100–101]). Арагви и Кура, в произведениях его предшественников позиционируемые как две сестры, у него такие бурные, что из закоулков памяти всплывает образ стенобитной машины («Я видел поутру с моста за старой мытней взбешенную Куру с машиной стенобитной...» [11, с. 99]). Тифлис, который каким-то «горбатым» снился О. Мандельштаму, у Б. Пастернака похож на книгу с фронтисписом, полную фруктовых букв или картинок («На языке чудес кистями слив исписан...» [11, с. 100–101]), сады горы Давида высятся пирамидой, и ночь сидит, как чтец за старым фолиантом...

Б. Пастернак в письмах старался даже заговорить по-грузински. Правда, все его попытки – это простые трансляции, но подчеркнута поэтического характера. Так, в письме к П. Иашвили поэт пишет: «Часто также Адик дает доказательство живости своей памяти именно на кавказском матерьяле. “Каламис цвери, каламис цвери”, – говорю я ему, и он вдруг расцветает и говорит о ливне в Бакурианах».

Адику, т. е. А. Г. Нейгаузу (1925–1945), первенцу З. Н. Пастернак, тогда было 7 лет и, наверное, его более чем увлекало чуждое для русского уха звучание (*каламис цвери*), т. е. кончик пера является рефреном в стихотворении П. Иашвили «Стол – Парнас мой» (эти строки дословно переводятся так: «И поет, поет кончик пера, кончик пера – клюв соловьиный...»).

А так звучит перевод Пастернака:

И поет, заливаясь кончик пера,
Расщепляется клюв соловьиный [15, с. 473–474].

В письме к С. Чиковани Б. Пастернак, расхваливая статью, напечатанную как предисловие к изданию стихотворений Т. Табидзе на русском языке, подчеркивает ту часть, к которой впоследствии все будут обращаться, и повторяет грузинское слово *гадавардна*. Имеется в виду следующее место из статьи: «Тициану Табидзе... была присуща какая-то особая тревожная интонация, которую поэт сам называл “гадавардна”, что означает: “бросаться очертя голову, окунаться”» [10, с. 198]. Б. Пастернаку самому свойственно было это состояние: он, как древний воин, перед вступлением в схватку очерчивал вокруг своей головы магический круг концом пера, и этим он, как никто, походил на Т. Табидзе.

Блики ментальности. Русская поэтесса Б. Ахмадулина смогла включить грузинские выражения в русскую просодию и сделать их органичной частью текста. Вспомним, как она оперирует грузинскими словами:

Край, осенивший сны мои,
не слышит моего ответа.
Удвоенность молитв прими,
о Боже, – я прошу – о Гмерто!
Оборони и сохрани,
не дай, чтоб небо помертвело.
свирельное сикварули –
вот связь меж мной и Сакартвело.

Или:

Во сне ли праздник пел и танцевал?
Туда, где кеври и Алавердоба,
шел с алою гвоздикой Тициан,
а я и Нита оставались дома.

И еще:

И разве ты не вовсе одинаков
с твоей землею, где, навек заплакав
от нежности, все плачет тень моя,
где над Курой, в объятой Богом Мцхете,
в садах зимы берут фиалки дети,
их называя именем «Иа»? [12]

Поясним некоторые топоры.

Гмерти (приблизительная транскрипция, *Гмерто* – звательный падеж) – Бог, Господь. Русская поэтесса восклицает так же, как грузин обратился бы к Богу. И нет такого религиозного авторитета, который смог бы запретить переводчику с грузинского и к Богу обращаться на грузинском: «О Гмерто!»

Сикварули – любовь, а *Сакартвело* – страна Картвелов, т. е. Грузия, и тут Б. Ахмадулина играет словами, но не чувством, так как «свирельное сикварули» связывает его с «Сакартвело».

Квеври – глиняный сосуд округлой вытянутой формы, в которых традиционно изготавливалось грузинское вино, а *Алавердоба* – грузинский церковный праздник, который берет начало в VI в. и посвящен алавердскому епископу Иосифу, входящему в число тринадцати святых сирийских отцов. Именно Иосиф основал один из грузинских мужских монастырей Алаверди, расположенный в восточной Грузии. *Алавердоба* связан также со сбором урожая.

С *Тицианом* (Т. Табидзе) читатель уже знаком, а *Нута* (Танит) – его единственная дочь, которая после расстрела отца и смерти матери стала бесценным проводником в мир Т. Табидзе.

Иа – действительно фиалка, ударение в этом грузинском слове ставится на первом слоге, но поэту захотелось срифмовать его со словом «моя», и изменение ударения тут вполне оправдано.

Вот так оказались лексические единицы из грузинского словаря носителями грузинской ментальности в творчестве русской поэтессы.

Есть в грузинском языке слово, которое в русской культуре стало своеобразной эмблемой всего грузинского. Временами оно принимало какой-то странно уничижительно-комический характер, но никогда – злой или насмешливый. Такая окраска обусловлена тем естественным фактом, что слово это невозможно перевести дословно, без семантических утрат. Сами грузины, употребляя его, никак не думают (что совершенно понятно!) о тех семантических слоях, которые хранятся в недрах этой лексемы. Это слово – *генацвале*.

Вспоминается фрагмент из стихотворения грузинского поэта И. Абашидзе. Слова, которыми поэт обращается к родному краю, можно перевести так:

Ты дыханье мое и трепет мой,
Веселье в пиру и терпенье в беде,
Но ты мала, генацвале,
Крохотная, размером с сердце¹.

Продолжая рефлексию, можно предположить, что, вероятнее всего, слово *генацвале* обзавелось таким же смысловым значением, как лексема *дорогой* у русских. Однако не будет лишним выявить все семантические подтексты и детали. Дело в том, что, если убрать все аффиксы, мы получим корень *нацвал*, *нацвали*, что в самом грубом, но точном переводе означает не что иное, как замена, когда, по утверждению толкового словаря грузинского языка [17], вместо кого-то или чего-то появляется другой, заменяет его или ее, и эта замена подразумевает готовность к самопожертвованию в пользу объекта. Примечательно, что, несмотря на исчезновение данного контекста даже в грузинском языке, на каком-то ментальном уровне всегда остается дальний отголосок вышеупомянутого сострадания. Так, в сущности, *генацвале* подразумевает готовность заменить любимого человека не в чем-либо ином, а именно в горе или беде и тем самым проявить свою преданность и любовь.

В письме к Н. Табидзе, вдове поэта, Б. Пастернак сообщает, что, вспоминая ее, его сын, Леонид (1938–1976), тогда еще трехлетний ребенок, тотчас переспрашивал родителей: «Какая Нина, моя?». Он привык называть ее «моя Нина» и «генацвале», вероятно потому, что Нина баловала Ленечку и естественной, непринужденной формой обращения была именно такая [5, с. 176].

Чувства Б. Пастернака к самому Т. Табидзе и его семье отражались не только в словах, т. е. поэзии, они превратились в дела, особенно после расстрела грузинского поэта: «У меня вырвали сердце. Я б не жил, но у меня теперь две семьи – Зина с Леной и Вы с Нитой», – писал поэт в телеграмме. Сама Н. Табидзе вспоминала, что свое слово он сдержал. В тяжелые годы, вплоть до реабилитации Т. Табидзе, Борис Леонидович поддерживал ее с дочерью морально и материально. Нужно отметить, что последнюю форму поддержки Б. Пастернак взвешивал досконально, чтобы не задеть самолюбие вдовы, чтобы все получилось естественно, без помпы... Каждое лето Нина проводила у них. Возвращаясь домой со службы, почти каждую неделю она с радостью находила на столе письмо от Б. Пастернака. Он писал размашисто, и Нине казалось, что на листках легла тень крыльев ласточки. Все освещалось солнцем его заботы и ласки [6, с. 320–336].

В октябре 1945 г. Б. Пастернак прилетел в Тбилиси на юбилей Н. Бараташвили (1817–1845), все произведение которого он перевел на русский язык. Бориса Леонидовича встретили на аэродроме и повезли

¹Перевод наш. – Г. Д.

в гостиницу, однако поэт сказал, что не выйдет из машины, пока его не отвезут к Н. Табидзе, которая из уважения к Б. Пастернаку впервые после 1937 г. согласилась принять участие в торжествах. Борис Леонидович посадил вдову Табидзе рядом с собой. Когда его просили почитать стихи, он, обращаясь к ней, спрашивал о том, что она хочет услышать. Всем своим поведением, рискуя в те годы многим, Борис Леонидович старался показать Н. Табидзе свое уважение, облегчить горе, показать, что он искренне скорбит о гибели Т. Табидзе и П. Иашвили [6, с. 320–336].

Б. Пастернак вспоминает в одном из писем (от 26 сентября 1947 г.), как в Переделкино он обратил внимание на ветку, которая упиралась в окно и в ветреные дни со стуком терлась о стекло: «Вероятно, по ночам она не давала Вам спать!» – переживал поэт, добавляя, что после отъезда Н. Табидзе домашняя работница сломала этот сук [13, с. 201].

Вдова Т. Табидзе, в свою очередь, подчеркивает какую-то сверхъестественную любовь Б. Пастернака к природе и понимание ее. Он, как Миндия, герой поэмы В. Пшавела «Змеед», которую в свое время Б. Пастернак и перевел, слышал и понимал ее язык.

Давайте вспомним, что оказавшийся в плену у волшебников или бесов Миндия ест мясо змеи, чтобы умереть и избавиться от ненавистного плена. Однако этот акт приносит ему не смерть, а понимание языка природы:

И с тем же советом для всех
Твердит он соседям, как детям:
Деревья рубить – это грех.
Довольствуйтесь суховьем [14, с. 37].

Пастернак, по словам Н. Табидзе, слышал треск лопающихся почек, чувствовал все запахи сада, понимал голоса птиц, он как бы с ними хлопал крыльями и уносился ввысь. Он очень любил цветы, но не срезанные в вазах. «Я думаю, он их жалел», – добавляла Н. Табидзе.

Конечно, как в «Змеееде», так и в жизни Б. Пастернака, как говорится, мнения нельзя было побороть, и последствия не заставили себя долго ждать.

Представим себе эти вопли:
Это одно сумасбродство.
Ведь все это создал господь
для нас и для нужд домоводства... [14, с. 37]

И громче всех, конечно, кричала жена и о сыновьях причитала...

В. Прохорова, племянница З. Н. Пастернак, вспоминала рассказ своей тетки о том, как к ним приехал «собирающий» писательских подписей под письмом с одобрением смертного приговора врагам народа М. Тухачевскому и И. Якиру: «Первый раз я увидела Борю рассвирепевшим. Он чуть не с кулаками набросился на приехавшего, хотя тот ни в чем не был виноват, и кричал: “Чтобы подписать, надо этих людей знать и знать, что они сделали. Мне же о них ничего не известно, я им жизни не давал и не имею права ее отнимать. Жизнью людей должно распоряжаться государство, а не частные граждане. Товарищ, это не контрамарки в театр подписывать, я ни за что не подпишу!”. Я была в ужасе и умоляла его подписать ради нашего ребенка. На это он мне сказал: “Ребенок, который родится не от меня, а от человека с иными взглядами, мне не нужен, пусть гибнет”». Когда Б. Пастернак читал ей свои произведения, жена могла сказать следующее: «Ты больше бы про людей писал, все лучше было!». «Когда тебе не пишут, ты бушуешь, что тебя все забыли, а когда тебе говорят, что ты любушка и Ляля и что без тебя жить нельзя, ты досадуешь, что это только чувства, а не гонорар за несколько газетных фельетонов» – это фрагмент из письма поэта к жене. «Когда началась травля Пастернака после выхода романа “Доктор Живаго” за границу, Зинаида Николаевна ему откровенно говорила: “Ну, теперь с хотя бы видимым благополучием покончено. Тебя и печатать больше не будут”. Так что, можно сказать, в какой-то мере она его еще и попрекала», – рассказывала Вера Прохорова [15].

Налицо трагическая коллизия между человеком, постигшим высшую тайну – мудрость мироздания, и людьми, действующими соответственно потребностям своего ежедневного бытия. У побежденного героя поэмы «Змеед» Миндии, потерявшего свой волшебный дар, выход один – смерть. Б. Пастернак переборол смерть духовную. Но в телесном существовании настали дни, когда он чувствовал себя все хуже и хуже. Н. Табидзе была рядом. Поэт с тоской жаловался: «Сегодня я смог написать только две строчки, совсем писать не могу, садиться тоже не могу».

«Он брал мой палец, – вспоминала Н. Табидзе, – гладил и говорил: “генацвале”. Потом просил прочитать телеграммы из Грузии» [6, с. 320–336].

Заключение

Детали не хотят и не могут оставаться только деталями, когда их читает переводчик, и мне кажется, что Б. Пастернак понимал слово *генацвале*, как остальные грузины: ему была близка ментальность грузинского народа.

Т. Табидзе, выступая на утреннем заседании Первого съезда советских писателей 29 августа 1934 г., не забыл сказать и это: «Перевод “Змеида”, поэмы Важа Пшавела, Борисом Пастернаком расценивается в Грузии как поэтический подвиг» [5].

Вспомним финальный эпизод из другой поэмы В. Пшавела «Гость и хозяин», в котором, «виденье чудное донны случайным взорам предстоит»:

И вот среди вершин Кавказа
Мерцает зарево костра,
И снова трапезу Агаза
Готовит братьям, как сестра.
Сквозь сумрак ночи еле зримо,
В сиянье трепетных огней
Ведут беседу побратимы
О дивном мужестве людей,
О дружбе, верности и чести,
Гостеприимстве этих гор...
И тот, кто их увидел вместе,
Не мог насытить ими взор [18, с. 116–167].

Эти герои, как и герои моей статьи, не смогли реализовать свой идеал в реальной жизни – победило коллективное мышление, но высокие идеалы, т. е. дружба, верность и честь, всегда требуют осуществления, хотя бы в иллюзорной форме.

Поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге.

Библиографические ссылки

1. Виноградов ВС. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: Издательство Московского университета; 1978. 174 с.
2. Федоров АВ. *Основы общей теории перевода*. Москва: Высшая школа; 1983. 416 с.
3. Гудий КА. От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика. В: Шульга ОА, редактор. *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы международной научной конференции (20–23 мая 2012 г.; Москва, Россия)*. Москва: Ваш полиграфический партнер; 2012. 130 с.
4. Евтушенко Е, составитель. *Строфы века: антология русской поэзии*. Москва: Полифакт; 1999. 1056 с.
5. Пастернак Б. «Край, ставший мне второй родиной» (письма Б. Пастернака к грузинским писателям). *Вопросы литературы*. 1966;1:176–251.
6. Пастернак Б. *Полное собрание сочинений в 11 томах. Том 11*. Москва: Слово/Slovo; 2005. 824 с.
7. Пастернак Б. *Стихотворения и поэмы в двух томах. Том 2*. Ленинград: Советский писатель; 1990. 348 с.
8. Табидзе Т. *Статьи, очерки, переписка*. Тбилиси: Литература да хеловнеба; 1964. 298 с.
9. Гринев Г, Голованов В, Замятин Д, Березин В, Балдин А, Рахматуллин Р и др. Геопоэтика и география [Интернет; процитировано 1 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/october/2002/4/geopoetika-i-geografika.html>.
10. Пастернак Б. Письма друзьям. *Литературная Грузия*. 1966;1:86–198.
11. Пастернак Б. *Полное собрание сочинений в 11 томах. Том 2*. Москва: Слово/Slovo; 2004. 525 с.
12. Ахмадулина Б. *Сны о Грузии* [Интернет; процитировано 1 апреля 2020 г.]. Доступно по: <http://lib.ru/POEZIQ/ahmadulina.txt>.
13. Пастернак Б. Книга любви и верности. *Дружба народов*. 1996;7:189.
14. Пшавела В. *Змеида*. Тифлис: Загиз; 1934. 68 с.
15. Прекрасные дамы Мастера Генриха. История третья. Вторая жизнь Пастернака. [Интернет; процитировано 1 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://www.liveinternet.ru/users/svetlana-k/post292051209/>.
16. Пастернак Б. *Полное собрание сочинений в 11 томах. Том 6*. Москва: Слово/Slovo; 2005. 672 с.
17. Толковый словарь грузинского языка [Интернет; процитировано]. Доступно по: <https://www.ice.ge/liv/liv/ganmartebiti.php>.
18. Заболоцкий Н. *Собрание сочинений в трех томах. Том 3*. Москва: Художественная литература; 1984. с. 166–167.

References

1. Vinogradov VS. *Leksicheskiye voprosy perevoda khudozhestvennoy prozy* [Lexical problems of translation of fiction]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1978. 174 p. Russian.
2. Fedorov AV. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation]. Moscow: Vysshaya shkola; 1983. 416 p. Russian.

3. Gudij KA. [From the original to the translation: the problem of the interaction of the author and translator]. In: Shul'ga OA, editor. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 20–23 maya 2012 g.; Moskva, Rossiya* [Philology and linguistics in modern society: materials of the international scientific conference; 2012 May 20–23; Moscow, Russia]. Moscow: Vash poligraficheskii partner; 2012. 130 p. Russian.
4. Evtushenko E, compiler. *Strofy veka: antologiya russkoi poezii* [Lines of century, an anthology of Russian poetry]. Moscow: Polifakt; 1999. Russian.
5. Pasternak B. [«Land that became my second homeland» (letters of B. Pasternak to Georgian writers)]. *Voprosy literatury*. 1966;1:176–251. Russian.
6. Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh. Tom 11* [Collected works in 11 volumes. Volume 11]. Moscow: Slovo; 2005. 824 p. Russian.
7. Pasternak B. *Stikhotvoreniya i poemy v dvukh tomakh. Tom 2* [Poems in two volumes. Volume 2]. Leningrad: Sovetskii pisatel'; 1990. 348 p. Russian.
8. Tabidze T. *Stat'i, ocherki, perepiska* [Articles, essays, correspondence]. Tbilisi: Literatura da khelovneba; 1964. 298 p. Russian.
9. Grineva G, Golovanov V, Zamyatin D, Berezin V, Baldin A, Rakhmatullin R, ect. *Geopoetic and geographic* [Internet; cited]. Available from: <https://magazines.gorky.media/october/2002/4/geopoetika-i-geografika.html>.
10. Pasternak B. [Letters to friends]. *Literaturnaya Gruzija*. 1966;1:86–198. Russian.
11. Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh. Tom 2* [Collected works in 11 volumes. Volume 2]. Moscow: Slovo; 2005. 525 p. Russian.
12. Akhmadulina B. *Dreams of Georgia* [Internet; cited 2020 April 1]. Available from: <http://lib.ru/POEZIQ/ahmadulina.txt>. Russian.
13. Pasternak B. [Book of love and fidelity]. *Druzhiba narodov*. 1996;7:189. Russian.
14. Pshavela V. *Zmeed* [Snake eater]. Tiflis: Zakgiz; 1934. 68 p. Russian.
15. The beautiful ladies of Master Heinrich. The third story. The second life of Pasternak [Internet; cited 2020 April 1]. Available from: <https://www.liveinternet.ru/users/svetlana-k/post292051209/>. Russian.
16. Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh. Tom 6* [Collected works in 11 volumes. Volume 6]. Moscow: Slovo; 2005. 672 p. Russian.
17. Glossary of Georgian language [Internet; cited 2020 April 1]. Available from: <https://www.ice.ge/liv/liv/ganmartebiti.php>. Georgian.
18. Zabolotskii N. *Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Tom 3* [Collected works in three volumes. Volume 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1984. p. 166–167. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2019.
Received by editorial board 16.12.2019.